

Рождение нефтяной Сибири. Нефтеразведка против углеперегонки на рубеже 1920–1930-х годов (часть 1)

Ю.В. ЕВДОШЕНКО, кандидат исторических наук
E-mail: editor3@oil-industry.ru
Издательство «Нефтяное хозяйство», Москва

Аннотация. Автор предлагает по-новому взглянуть на начальный период организации нефтепоисковых работ в Сибири. Его концепция базируется на отказе от субрегионального подхода, лежащего в основе большинства работ по данной теме; он связывает поиски нефти с выполнением конкретной задачи – нефтепродуктообеспечения сибирских регионов – и выбором одной из альтернатив ее решения (использование местных естественных или искусственных нефтепродуктов, произведенных из твердых горючих ископаемых). В первой, публикуемой, части работы освещается история организации нефтепоисковых работ в Сибири до Новосибирской сессии АН СССР 1932 г., описываются ранее неизвестные оценки и прогнозы нефтеносности сибирских регионов, впервые определяется влияние реформ в геологической отрасли СССР рубежа 1920-х – 1930-х годов на историю поисков нефти в Сибири.

Ключевые слова: первая пятилетка; сибирская нефть; геологоразведка; поиски нефти; альтернативная энергетика; искусственное жидкое топливо; И. Н. Стрижов; И. М. Губкин; А. Д. Архангельский; М. М. Тетяев; П. И. Преображенский; А. М. Усов; Н. С. Шатский

Современные нефтяники, особенно «знатоки» истории нефтяной геологии, часто совершенно искренне спрашивают историков: «А чем вы занимаетесь?! Ведь все давно известно!» В нефтяной историографии уже сложились определенные канонические сюжеты, которые задают основной дискурс, канву исторических оценок прошлого. К таким, например, относится история поисков нефти в Сибири: в 1932 г. академик И. М. Губкин на Новосибирской сессии АН СССР высказался о возможной нефтеносности восточных склонов Урала, что было объявлено эпохальным событием, и в Сибирь стали направлять партии геологов для поисков нефти; «враги народа» (в ранней версии) или некие «противники-ретрограды» (в поздней и современной интерпретации) не услышали его «прогноза», мешали ему, поэтому нефть искали не в тех местах, где она залегала. Лишь в последнее время историки поставили под сомнение приоритет

И. М. Губкина в определении перспектив нефтеносности Сибири [Галкин, 2009. С. 74–76; Комгорт, 2014; Евдошенко, 2019. С. 71–72], но по-прежнему события, предшествующие его знаменитому выступлению, исследованы очень слабо.

Одна из причин этого – «полицентричность» темы «Сибирская нефть». С начала 1920-х годов в этом огромном регионе возникло несколько крупных территориально-административных единиц – губерний, затем краев и областей. Не вдаваясь в эту историю, отметим, что с увеличением числа региональных органов управления единая проблема «сибирской» нефти получила свой «микрорегиональный» характер. Губернские, краевые и областные органы власти начинают выступать в роли лоббистов поисков нефти в собственных регионах, используя для этого различные каналы влияния и собственный вес в общей административно-политической системе. В результате нефтяная «Сибириада» в историографии давно распалась на ряд субрегиональных тем, среди которых особенно выделяется «западно-сибирская» со своими подтемами – «тюменской», «томской», «новосибирской», отчасти «восточно-уральской», «северо и восточно-казахстанской», чаще всего связанными с современным территориально-административным делением огромной географической области под названием «Сибирь».

Проблема еще и в историографии – практически нет общих работ по истории поисков нефти в Сибири. Историк, разрабатывающий тему западно-сибирской нефти, пройдет мимо темы байкальской или амурской нефти, не сможет встроить в контекст общей истории, должным образом интерпретировать тот или иной факт, выходящий за рамки его региональных исследовательских интересов. А между тем один из родоначальников советского экономического районирования, в 1920-е годы – председатель Сиббюро Госплана СССР, профессор Н. Н. Колосовский писал: «... Нет изолированных проблем Дальнего Востока и Западной Сибири. Есть лишь одна обширная проблема Северной Азии, как части Союза» (цит. по: [Демьяненко, 2009. С. 130]).

С момента появления первых геологов Сибирь представлялась единым регионом от Урала до Тихого океана, что и было запечатлено на геологической карте Сибири, изданной в 1922 г. В 1923 г. «Известия Геологического комитета» опубликовали доклад крупнейшего на тот момент знатока геологии Сибири

Я. С. Эдельштейна «Тектоника и полезные ископаемые Сибири», в котором были выделены три основные тектонические области макрорегиона – Западно-Сибирская равнина, ограниченная в широтном направлении «восточной подошвой Урала и долиной Енисея», Сибирская плита, заключенная между Енисеем и Леной, и Сибирская складчатая зона, которая ограничивает первые две с юга и простирается с юго-запада на северо-восток – от оз. Балхаш до Охотского моря и северо-восточной окраины Азиатского континента¹.

Разработанность той или иной региональной подтемы зависит не от исторического приоритета в организации поисков, а от уровня добычи нефти, достигнутого тем или иным районом. И если история поисков нефти в Западной Сибири или на Сахалине довольно хорошо изучена, то поисковые работы в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, в Арктике изучены значительно хуже, а подчас совершенно выпали из поля зрения историков. Видимо, это связано с тем, что они не привели к значительным открытиям, либо вовсе оказались неудачными. Но означает ли это, что историю «челябинской», «алтайской», «таймырской», «ангарской», «тунгусской» или «амурской» нефти не нужно изучать?! Ведь без этого нет полной картины истории сибирской нефти. Ограниченные материальные, финансовые, кадровые ресурсы очень долго направлялись туда, где нефти до сих пор не найдено. По каким причинам это делалось, какую роль играла наука, а какую – пресловутый командно-административный ресурс, конъюнктурные соображения?

Наконец, историками практически не изучена тема организации производства нефтепродуктов из твердых горючих ископаемых, а между тем, именно с ними были связаны первые попытки обеспечить Сибирь «собственными» нефтепродуктами [Евдошенко, 2011]. Натуральная и «искусственная» нефти два или даже три десятилетия, по сути, конкурировали между собой, и этот фактор, который должен был оказывать влияние на организацию нефтепоисковых работ, лишь зафиксирован историками [Запорожченко, 1977. С. 117; Комгорт, 2008. С. 45].

¹ Эдельштейн Я. С. Тектоника и полезные ископаемые Сибири // Известия Геологического комитета. 1923. Т. 42. № 1. С. 28, 31, 34.

Начальный период целенаправленных поисков нефти в Сибири пришелся на сложное время реформирования отечественной геологической отрасли, строительства районов нового промышленного освоения, появления новых технологий поисков и переработки, тогда же в стране происходили сложные внутри- и внешнеполитические процессы. Его изучение не ограничивается лишь восстановлением справедливости по отношению к предшественникам И. М. Губкина (который, к слову, был специалистом по южным нефтеносным областям – Кавказу и Закавказью, а не по Уралу и Сибири), но и позволяет заново оценить важные этапы развития отечественной нефтяной геологии, нефтегазовой отрасли и советской экономики в целом.

Цель данной статьи – рассмотрение раннего этапа решения проблемы нефтепродуктообеспечения Сибири в СССР до знаменитого выступления академика И. М. Губкина в 1932 г. с учетом альтернативности источников получения местных нефтепродуктов – из нефти либо из угля.

Проблемы нефтепродуктообеспечения Сибири в конце 1920-х годов

Если сегодня целью нефтедобычи в Сибири является прежде всего экспорт сырой нефти, то в 1920-е годы, и особенно в 1930-е, когда начался период интенсивного экономического роста отдельных сибирских регионов и создания в них новых промышленных районов, нужно было решать проблемы собственного снабжения горюче-смазочными материалами.

С точки зрения ассортимента в первое десятилетие существования СССР внутренний рынок характеризовался преимущественно как мазутно-керосиновый, а сибирский – как керосиновый, другие нефтепродукты поставлялись в незначительных объемах². С середины 1920-х начался заметный рост спроса на керосин со стороны тракторопользователей (до этого он шел в основном на культурно-бытовые цели – освещение и приготовление пищи³). В регионе стала активно использоваться авиация как новый потребитель ГСМ. Благодаря общему экономическому росту потребление нефтепродуктов в Сибири росло очень быстро.

² *Замель Л.* Максимум внимания вопросам моторного горючего // Нефтяной бюллетень. 1929. № 18. С. 7.

³ Трактороснабжение в 1925/26 г. // Нефтяной бюллетень. 1926. № 12. С. 7.

Например, сбыт керосина за июль 1929 г. по сравнению с июлем 1928 г. вырос: в Уральском районе – на 126%, Восточно-Сибирском – на 155% и Западно-Сибирском – на 189%⁴.

Но в целом, в течение 1920-х годов по уровню потребления нефтепродуктов сибирские и дальневосточные районы сильно отставали от других регионов страны⁵. «Тысячеверстные пространства, лишённые сколько-нибудь сносных путей сообщения, слабо развитая торговая сеть, низкий культурный уровень населения и т.п. причины стояли на пути реализации нефтепродуктов», – сообщал «Нефтяной бюллетень» о трудностях в регионе⁶. В начавшейся дискуссии о районировании нефтепереработки один из экспертов исключил Урал и Сибирь из регионов «достойных» строительства собственного НПЗ – ввиду «ничтожной плотности потребления и громадной отдаленности от районов производства». По принятым Президиумом ВСНХ СССР в 1928 г. контрольным цифрам пятилетки (затем неоднократно пересмотренным) в 1932 г. потребление Сибирского и Дальневосточного краев (ДВК) должно было составить: моторной нефти – 27,6 тыс. т, мазута – 3,0 тыс., черной смазки – 24,2 тыс., керосина – 157,9 тыс., бензина – 7,6 тыс. и машинного масла – 9,0, а всего – 229,3 тыс. т⁷.

К концу 1920-х годов прежняя система нефтепродуктообеспечения – железнодорожная и транспортная инфраструктура, система нефтебаз и сбытовая сеть – была загружена до предела. Сотрудники «Нефтесиндиката» сообщали, что в отдельные периоды в северных губерниях и Сибири «имели место случаи неудовлетворения потребности в керосине» ввиду его неавоза⁸. К 1928 г. в стране в целом стала чувствоваться диспропорция между производством легких нефтепродуктов (оно было сосредоточено на юге СССР) и их потреблением⁹. Повышающиеся требования к экспорту приводили к недосдаче

⁴ Рынок керосина // Нефтяной бюллетень. 1929. № 17. С. 20.

⁵ Фролов В. И. К вопросу о потреблении керосина в деревнях // Нефтяной бюллетень. 1927. № 9. С. 6.

⁶ Роль районов Нефтесиндиката в керосиновой торговле в осветительный сезон 1924/24 г. // Нефтяной бюллетень. 1925. № 10. С. 14.

⁷ Максимович Ю. К. К вопросу о районировании нефтепереработки // Нефтяное хозяйство. 1928. № 11–12. С. 589.

⁸ Вопросы керосиноснабжения на съезде областных и губернских представителей Наркомвнурга // Нефтяной бюллетень. 1925. № 8. С. 18.

⁹ Пленкин Ф. Снабжение нефтепродуктами широкого потребления // Нефтяной бюллетень. 1928. № 5. С. 5.

нефтепродуктов на внутренний рынок в период навигации, что ломало устоявшийся цикл волжского завоза, увеличивало долю более дорогих железнодорожных перевозок, лихорадило работу базовых волжских нефтескладов, откуда осуществлялось дальнейшее распределение нефтепродуктов для Сибири. Сибирской печатью и местными органами власти в прессе поднималась шумиха о простом тракторов в ряде крупных колхозов из-за отсутствия керосина и смазочных масел¹⁰.

Управляющий Дальневосточным отделением Нефтесиндиката Ф.Н. Пыталев в июне 1929 г. был вынужден признать: «Ближайшее изучение сбыта н[ефте]продуктов показало, что рынок Дальнего Востока в течение целого ряда лет держался, как в отношении смазочных масел, так и осветительных, в полуголодном состоянии. Ввиду этого, потребителям приходилось прибегать для смазки к различного рода суррогатам, из коих бобовое масло занимало первое место. Это же масло шло и для осветительных целей, особенно в отдаленных районах и среди китайского и корейского населения. Крупные же организации, которые имеют связь с заграницей (главным образом рыбные), необходимые им смазочные и осветительные материалы закупали в Японии, так как на складах Дальнего Востока их был хронический недостаток»¹¹.

В марте 1931 г. газета «Советская Сибирь» констатировала, что «нефтепродуктами край снабжается неудовлетворительно. Союзнефть за февраль не выполнила план завоза по керосину на 75%, по бензину – 60, автолу – 50. <...> Горючее и тара становится узким местом предстоящей посевкомпания. Союзнефть не выполняет программу завоза нефтепродуктов, предполагает забросить их в распутицу»¹².

На XVII конференции ВКП(б) Г.К. Орджоникидзе жаловался, что транспорт не может вывезти всю ту нефть, которую добыли. «В то время когда у нас внутри страны не будет хватать нефти, в Баку и Грозном осталось невывезенной нефти 1,5 млн т»¹³.

¹⁰ Рынок керосина в августе // Нефтяной бюллетень. 1929. № 19. С. 20.

¹¹ РГАЭ. Ф. 2309. Оп. 1. Д. 213. Л. 2.

¹² Союзнефть не должна оставлять МТС без горючего // Советская Сибирь. 1931. 16 марта. С. 4.

¹³ XVII конференция ВКП(б). Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1932. С. 24.

В условиях обострения топливных проблем в конце 1920-х годов все чаще поднимаются вопросы районирования топливопотребления. «... Экономичность того или другого топливного режима страны может быть охарактеризована величиной стоимости условного топлива, и, следовательно, экономическая целесообразность построения топливных перспектив сводится к максимальному уменьшению стоимости пуда условного топлива», – писал «Нефтяной бюллетень» в 1927 г.¹⁴ Из-за удаленности и неоднократных перевалок керосин, который отпускался в Астрахани за 68 коп. за пуд, в Уральском районе продавался по 106,4 коп., Западно-Сибирском – 137,0 коп., Восточно-Сибирском – 145,9 коп., а в Дальневосточном – 201,3 коп.¹⁵ Словом, завозные нефтепродукты в Сибири обходились очень дорого, их не хватало, и перспективы улучшения ситуации в течение 1920-е годов не просматривались.

К концу этой декады нефтепродуктообеспечение Сибири превратилось в сложную, трудоразрешимую проблему. А между тем форсированная индустриализация выдвигала новые требования. В 1930 г. Бюро по составлению нефтяной пятилетки объединения «Союзнефть» прогнозировало¹⁶, что за I пятилетку потребление нефтепродуктов в Сибири должно будет вырасти в 20 раз, на Дальнем Востоке – в 15!

Решить проблему или, по крайней мере, снять с нее остроту могли бы нефтепродукты, произведенные из местного, сибирского сырья.

Сибирь в планах нефтепоисковых работ в 1920-е годы

Попытки найти нефть путем бурения в местах внешних нефтепроявлений в Сибири предпринимались неоднократно: на Сахалине – еще в 1880-е гг., на восточном берегу о. Байкал – в 1903–1905 гг., у с. Цингалы в Тобольской губернии – в 1912 г., кроме того, отдельные, непроверенные сведения имелись о признаках нефтеносности на западной оконечности Алтая, в Якутии,

¹⁴ Трифионов Н. Экономическое районирование потребления различных видов топлив // Нефтяной бюллетень. 1927. № 14. С. 2.

¹⁵ Сапунов А. О единых ценах на керосин // Нефтяной бюллетень. 1927. № 24. С. 2.

¹⁶ Толстоногов Н. А. Основные установки районирования переработки нефти в разрезе пятилетки // Нефтяное хозяйство. 1930. № 4. С. 538–539.

Приамурье и на Камчатке¹⁷ [Бушуев, 2006; Комгорт, 2008; Карпов и др., 2011; Лисицына, Бердникова, 2014; Комгорт, 2020].

Интерес к поискам нефти в новых районах в СССР стал проявляться со второй половины 1920-х гг. Последние исследования с убедительностью показали, что в то время основным инициатором поисковых работ на нефть в новых районах был вовсе не И. М. Губкин, как это принято считать, а старший директор нефтяной промышленности Главгортопа ВСНХ СССР И. Н. Стрижов. За три года до открытия уральской нефти и за шесть лет до Новосибирской сессии АН СССР (30 июня 1926 г.), давая отзыв на одну из газетных публикаций, он, вероятно, впервые написал, что надо искать нефть «по обоим склонам Среднего Урала», т.е. не только на западном (европейском), но и на восточном («сибирском») [Евдошенко, 2022]. В 1926 г. Главгортоп ВСНХ СССР для ведения геологоразведочных работ в новых районах предлагал создать такую организацию, как «Сибнефть»¹⁸.

«Сибирь не имеет добычи нефти, но представляет собой крупный рынок нефтяных продуктов с большой будущностью. Мы принуждены возить нефтяные продукты в Сибирь на громадные расстояния. Было бы крайне важно найти в Сибири нефть. Есть основания думать, что во многих местах имеются геологические структуры, благоприятные для поисков месторождений нефти и газа. Эти поиски нефти в Сибири также должны войти в пятилетнюю программу», – писал И. Н. Стрижов в Геолком 11 октября 1928 г.¹⁹ Под нажимом И. Н. Стрижова Главгортоп предписал Геолкому включить «поиски нефти в Сибири» в пятилетнюю программу работ²⁰.

С 1926 г. в центральных, региональных и отраслевых изданиях стали появляться заметки с мест на тему поисков нефти. Наряду с «самарской» и «ишимбайской» была поднята тема

¹⁷ Полевой П. И. Нефть Дальнего Востока // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1924. № 3. С. 449–457.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 3. Д. 2739. Л. 20 об.

¹⁹ РГАЭ. Ф. 5743. Оп. 1. Д. 74. Л. 15.

²⁰ Директивы Главгортопа Геолкому по составлению пятилетнего плана нефте-разведок // Нефтяной бюллетень. 1928. № 21. С. 11–12.

«байкальской»²¹, «минусинской», «якутской», «уссурийской»²² нефти, которые в силу административного деления того времени называли «сибирской нефтью».

Пройти мимо таких известий из регионов было нельзя, поскольку весь 1929 г. шел под знаком кардинальных пересмотров планов развития нефтяной промышленности в связи с запланированной на I пятилетку моторизацией народного хозяйства. В 1927/28 г. в стране добыли 11,5 млн т нефти. В начале 1929 г. планировалось, что в 1932/33 г. добычу нефти доведут до 21,8 млн т, в апреле эту цифру увеличили до 23, в августе – до 26, а к концу 1929 г. добычу последнего года пятилетки определили в 41 (!) млн т. При этом 35% (около 15 млн т) добычи должны были дать новые районы, которые не только не были введены в разработку, но даже еще не открыты!

Однако в течение 1920-х годов региональная общественность относилась к поискам нефти в Сибири довольно пассивно. На I Сибирском научно-исследовательском съезде (15 декабря 1926 г. в Новосибирске) директор Сибирского отделения Геологического комитета А. М. Усов, отметив богатство края, констатировал, что он, «по-видимому, лишен нефти и ее дериватов, а также горючих газов; по крайней мере, до сих пор не обнаружены надежные признаки этих полезных ископаемых». При этом он допустил, что единственным районом, где можно было бы найти нефть, сходную с «пенсильванской» и «печорской» («возможная нефть

²¹ 18 июня 1929 г. начальник Центрального управления железнодорожного транспорта Наркомата путей сообщений просил Главгортон выслать имеющуюся информацию по нефтяным месторождениям у о. Байкал. К его запросу была приложена записка одного из руководителей Забайкальской железной дороги, А. Д. Кулехина из «Транспортной газеты» от 7 марта 1929 г. В поисках топлива для паровозов тот еще в 1926 г. осмотрел места прежних поисков нефти на восточном берегу озера в районе перешейка между Баргузинским и Чевыркуйским заливами и провел архивные изыскания по этому вопросу. «... на горизонте 960 футов был встречен слой глинистого песка с довольно обильным истечением нефти в скважину, – говорилось в одном из документов начала XX в., цитируемом А. Д. Кулехиным, – нефть заполняла желонку и штанги покрывались слоем жидкой нефти. Нахождение под слоями глинистых песков и глины и вообще под малопроницаемыми для нефти слоями нефти [так!], в увеличивающихся с углублением количествах, указывает на поднятие нефти из более глубоких, не достигнутых еще скважиной, горизонтов» (РГАЭ. Ф. 5743. Оп. 1. Д. 149. Л. 13).

²² Полевой П. И. Приморская или уссурийская нефть // Нефтяное хозяйство. 1928. № 6. С. 867.

кембро-силура»), является Сибирская платформа²³. Выступивший за ним М. К. Коровин указал на «многочисленные сведения о "нефти" среди местного населения прибайкальской и присаянской части края», имея в виду зону так называемого Иркутского амфитеатра – южную часть Сибирской платформы, и предложил начать специальные исследования²⁴. Затем в прениях алтайский журналист и член Общества изучения Сибири П. А. Казанский сообщил о признаках нефти на Алтае²⁵. В результате Сибирский крайсовнархоз в план ГРР никаких работ по нефти на ближайшую пятилетку (1927–1932 гг.) не включал, а проблему обеспечения края нефтепродуктами предлагал решать путем переработки иркутских богхедов²⁶.

Помимо геолого-разведочных работ на Сахалине, которые были вызваны деятельностью японской концессии, с 1923 г. по 1928 г. были проведены несколько экспедиций на Камчатку и в Уссурийский край.

В 1928–1929 гг. в деловой переписке и программных документах из сибирских регионов в качестве первоочередных фигурировали Байкал, Сахалин и Камчатка²⁷. В плане работ Геологического комитета (с октября 1929 г. – Главное геолого-разведочное управление (ГГРУ) ВСНХ СССР) на ближайшую пятилетку, утвержденном в 1929 г., кроме геолого-поисковых работ на нефть за Уралом предусматривалось разведочное бурение на Сахалине (где уже была открыта промышленная нефть), Камчатке и восточном побережье оз. Байкал²⁸.

На большом совещании под председательством И. М. Губкина (26 ноября – 1 декабря 1929 г.) геологи со всего Союза, как по сусекам, сгребали все площади, которые могли бы обеспечить выполнение поставленной задачи, а 30 декабря рассматривались возможности азиатской части СССР. По докладу бывшего директора Дальневосточного отделения Геолкома П. И. Полевого

²³ Усов М. А. Очерк геологического строения и полезных ископаемых Сибирского края // Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Т. 2. Недра. Новосибирск, 1928. С. 14.

²⁴ Первый Сибирский краевой научно-исследовательский съезд: материалы к докладам секций. Новосибирск, 1926. С. 20.

²⁵ Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Т. 1. Протоколы и резолюции. Новосибирск, 1927. С. 92.

²⁶ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 15. Д. 44. Л. 1, 3.

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-5674. Оп. 7. Д. 535. Л. 13 об.

²⁸ РГАЭ. Ф. 7787. Оп. 1. Д. 98. Л. 11–11 об.

совещание решило, что нужно вводить в разведку ряд новых площадей восточного и западного побережий о. Сахалина, развернуть геолого-поисковые работы на Камчатке и начать мелкое разведочное бурение в Селенгинском районе на Байкале²⁹. В результате в плане «Союзнефти» на оставшиеся годы пятилетки значились разведка и ввод в разработку четырех новых площадей на Сахалине (помимо уже разрабатываемой Охинской), а ГГРУ запланировало разведочное бурение в Дальневосточной области (на Камчатке и Байкало-Баргузинском районе, без Сахалина): с 1931 г. по 1933 г. там планировалось пробурить 11 скважин общим метражом 6,9 тыс. м³⁰. А что же остальная Сибирь? Ни западносибирские районы (или «восточные склоны Урала»), ни восточносибирские (Сибирская платформа) на совещании не рассматривались, хотя с весны 1929 г. под влиянием «заявок с мест» в материалах нефтяной секции Геолкома начинают фигурировать Горный Алтай (Ойратская Республика) и Ачинско-Минусинский район. Отчитываясь за полевой сезон 1929 г., Нефтяной геолого-разведочный институт (НГРИ), созданный на базе нефтяной секции Геолкома, указал, что для проверки сведений о нефтеносности районов, прилегающих к Турксибу, в пределах Сибирского края на территории бывшей Семипалатинской губ. были проведены рекогносцировочные исследования³¹.

А 28 сентября 1929 г. директор НГРИ С. И. Миронов сообщал в Москву: «Согласно договоренности с Директором Сибирского Отделения Геолкома по Нефтяному [геолого-разведочному] Институту предположено выделить на рекогносцировочные исследования в Ойратском³² и Ачинском районах некоторую сумму на организацию геолого-поисковой маршрутной партии. Точно ассигнования не выяснены. Пока лишь намечаем выделить за счет работ на Дальнем Востоке сумму на две рекогносцировочные партии»³³. Через месяц С. И. Миронов подтвердил это

²⁹ Разведочные работы на нефть в СССР: материалы к пятилетнему плану разведочных работ на нефть по данным Совещания геологов-нефтяников в Москве 26 ноября – 1 декабря 1929 г., 1930. С. 88, 91.

³⁰ РГАЭ. Ф. 7735. Оп. 1. Д. 51. Л. 25, 26.

³¹ Разведочные работы полевых партий Геолого-разведочного нефтяного института ГГРУ в 1928/29 г. Приложение к журналу «Нефтяное хозяйство». 1930. № 3. С. 19, 24.

³² Речь шла о проверке нефтепроявлений в районе Телецкого озера (*Истник* Д. К. вопросу о промышленном развитии Ойратии // *Плановое хозяйство*. 1930. № 6. С. 234).

³³ РГАЭ. Ф. 7787. Оп. 1. Д. 314. Л. 107.

решение и сообщил, что «если представится возможность найти в Сибирском Отделении Геологического Комитета специалиста для этих работ, то они будут переданы Сибирскому Отделению Геолкома»³⁴. На состоявшемся совместном совещании НГРИ, Планового отдела ГГРУ и представителей районных геолого-разведочных управлений 13 ноября 1929 г. было решено: «Сибирское Районное Управление берет работу по поискам нефти в одной из областей, подлежащих обследованию. <...> В Сибкрае предположено две работы по поискам нефти: в Ойратской области – 8,645 руб.; в Минусинской и Омской области – 8,645 руб.»³⁵. За НГРИ закрепили Ойратию, в Минусинске должны были работать сибирские геологи. С 1930 г. по 1933 г. на поисковые работы на нефть на юге Западной Сибири было запланировано потратить чуть более 90 тыс. руб.³⁶

О перспективах Восточной Сибири в июне 1929 г. высказался заведующий геологическим отделом Государственного исследовательского нефтяного института (ГИНИ) академик А. Д. Архангельский в своей известной статье «Где и как искать новые нефтеносные районы в СССР». В ней он указал на периферию Сибирской платформы и Лено-Виллюйскую впадину. «Говорить о постановке систематических изысканий в области Сибирской платформы, конечно, еще преждевременно, – писал он, – но несколько рекогносцировочных экспедиций <...> следует сделать сейчас же»³⁷. В мае 1929 г., когда статья уже находилась в печати, институт передал в ГГРУ свои предложения «по сбору литологического материала по древнепалеозойским слоям Сибири для изучения вопроса о возможности нахождения нефти в области Сибирской платформы и предгорьев хребтов, окружающих платформу» и предложил направить туда две партии, для чего просил выделить 14 тыс. руб.³⁸ В начале июня на совещании по планированию пятилетки геологоразведочных работ на нефть

³⁴ РГАЭ. Ф. 7787. Оп. 1. Д. 38. Л. 53 об.

³⁵ РГАЭ. Ф. 7787. Оп. 1. Д. 314. Л. 90.

³⁶ РГАЭ. Ф. 7787. Оп. 1. Д. 307. Л. 86 об.

³⁷ Архангельский А. Д. Где и как искать новые нефтеносные области в СССР? // Нефтяное хозяйство. 1929. № 6. С. 791.

³⁸ РГАЭ. Ф. 7787. Оп. 1. Д. 316. Л. 108.

А. Д. Архангельский выделил районы для первоочередных поисковых работ на Сибирской платформе – «по периферии области между Енисеем и Леной и в Ленско-Виллюйской впадине»³⁹.

В начале 1930 г. назначенный руководителем Бурят-Монгольской секции Института геологической карты ГГРУ М. М. Тетяев написал краткую записку «Перспективы поисков нефти в восточной части Азиатского материка», в которой теоретически обосновал организацию нефтепоисковых работ в Восточной Сибири: «Начиная с 1927 г. работами Восточно-Сибирской секции [Геолкома] отчетливо устанавливается на крайнем востоке азиатской части Союза наличие крупнейшей складчатой зоны третичного возраста, аналогичной таковой в Европе и Америке, с которой там связаны наиболее крупные нефтяные месторождения. Эта зона протягивается сюда из Средней Азии, охватывает Бурят-Монголию, Далькрай и часть Якутии. На восток она уходит в область Тихого океана, а на западе ее граница прослеживается довольно отчетливо через Иркутск, Баргузин, верховья Витима; далее она опоясывает Алданский район и по течению нижнего Алдана и Лены уходит на северо-восток в Ледовитый океан». Складчатую зону, проходящую от восточного побережья Байкала по долине р. Иркут на юго-запад вдоль Восточных Саян, М. М. Тетяев сравнил с нефтеносной полосой предгорий Северного Кавказа. Для поисков нефти он выделял Прибайкальский, Зейско-Приаргунский, Нижне-Амурский и Колымско-Анадырский районы, но при этом указывал на отсутствие геологических карт для поисков нефти в этих районах и на необходимость усиления геолого-съёмочных работ⁴⁰. К записке М. М. Тетяева был приложен рапорт о выделении 20 тыс. руб. на эти цели.

Очень осторожные предложения по поискам нефти в Сибири были связаны со слабой геологической изученностью этого огромного региона, нехваткой кадров и оборудования, направляемых в районы, обещавшие более быстрые результаты, – на Кавказ, Кубань, Эмбу и в Пермский край. Поскольку для широкой постановки геологоразведки пока не было никаких оснований, следуя стадийности поисково-разведочных работ, геологи справедливо предлагали усилить топографические

³⁹ РГАЭ. Ф. 7787. Оп. 1. Д. 314. Л. 153.

⁴⁰ РГАЭ. Ф. 7787. Оп. 1. Д. 323. Л. 56–59.

и геолого-съёмочные работы в Сибири, которые должны были послужить базисом для оценки перспектив нефтеносности и последующих поисков нефти. По этой причине заведующий научно-производственным отделом ГГРУ В. К. Борисевич горячо поддержал инициативу М. М. Тетяева. В своей служебной записке в бухгалтерию ГГРУ 25 мая 1930 г. он писал: «Научн. Произв. Отд. всецело поддерживает необходимость доп. ассигнования 20.000 руб. на нефтеразведку в Восточной Сибири (согл. доклада М. М. Тетяева), вместе с тем, считаясь с постановкой акад. А. Д. Архангельского о широкой разведке на нефть в Сибири и с отсутствием подлежащей съёмки на обширной территории, считает весьма желательным *пересмотреть возможности* [выделено В. К. Борисевичем] *бóльшего ассигнования* на 1) поисково-разведочные работы на нефть в Сибири, связанные с топографической и геологической съёмкой, 2) на применение в широком масштабе аэросъёмки, в первую очередь на Вост. склоне Урала и в сев. части Казакстана»⁴¹.

Таким образом, уже к концу 1920-х годов идея поисков нефти в Сибирском и Дальневосточном краях стала не только частью научного дискурса, но и производственных программ, а 1930-й должен был стать первым годом целенаправленных поисковых работ на нефть, как в Западной, так и в Восточной Сибири, а также началом разведки новых площадей на Камчатке, Сахалине и Байкале. Однако реализовать эти планы не удалось, поскольку желания и возможности получили разный вектор.

Реформы геологической отрасли и их влияние на поиски нефти в Сибири

Составленный план геолого-разведочных работ на нефть на 1930 г., включавший Сибирь, по самым скромным оценкам, требовал на полевые исследования 5,1 млн руб., а выделяли только 3,9 млн. «В силу этого последний титульный список полевых работ Нефтяного института ГГРУ [НГРИ – Е.Ю.] на 1929/30 г. согласно урезанного лимита мог быть составлен только при условии сокращения объема работ, каковое сокращение выразилось в уменьшении разведочного бурения с 30 станков до 25 (на конец 1929/30 года) и в отказе от ряда геологических и геофизических

⁴¹ РГАЭ. Ф. 7787. Оп. 1. Д. 323. Л. 55–55 об.

исследований», – писал назначенный начальником ГГРУ Ф.Ф. Сыромолотов в Госплан СССР 25 февраля 1930 г.⁴² Обосновывая выделение дополнительных средств, сотрудники ГГРУ сообщали, что «<...> отложены на будущ[ий] год исслед[ования] в районах Мангышлакском, Байкало-Баргузинском, Омском <...> Результаты урезки <...> – отставание по всем районам за исключ[ением] Сахалина и Камчатки»⁴³. В итоге ни в Ойротию, ни в Минусинск геологи-нефтяники в 1930 г. не выехали.

Кроме этого, в дело вмешались реформы геологической отрасли. Начавшись в 1928 г., они привели к образованию в октябре 1929 г. на базе Геологического комитета ГГРУ ВСНХ СССР и в его структуре НГРИ [Евдошенко, 2012]. Затем под предлогом «приближения» геологической разведки к регионам из ведения центрального органа часть работ передавалась районным управлениям (РГРУ), также созданным на базе региональных отделений бывшего Геолкома.

Следующим шагом стала передача нефтепоисковых работ из ведения центрального геологического ведомства (ГГРУ) в отраслевой орган управления (всесоюзное объединение «Союзнефть»), последовавшая по решению Совета Труда и Оборона от 11 февраля 1930 г. и в соответствии с приказом ВСНХ СССР от 22 марта 1930 г. Это выразилось в переподчинении НГРИ «Союзнефти» и передаче ей же всех буровых партий ГГРУ, ориентированных на нефть. Как значилось в докладе «Союзнефти», составленном в начале 1930 г.: «Ввиду присоединения Нефтяного института ГГРУ к Союзнефти – программа [геологоразведочных] работ может быть пересмотрена»⁴⁴.

Начальник ГГРУ Ф.Ф. Сыромолотов не мог не выполнить постановления и передал институт в состав «Союзнефти», но тут же издал приказ о создании в ГГРУ Геолого-разведочного бюро нефтяных месторождений, которое должно было изучать районы, «не входящие и не обслуживаемые Объединением Союзнефть», например, предполагалось приступить к изучению Анадыря и побережья Берингова моря, отдельных районов Усурийского и Хабаровского краев, Бурят-Монгольской АССР, Западной Камчатки и др. Бюро должно было включать в состав

⁴² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 28. Д. 188. Л. 26.

⁴³ Там же. Л. 24.

⁴⁴ РГАЭ. Ф. 7735. Оп. 1. Д. 51. Л. 23.

отдельных партий различных геологоразведочных учреждений свои «нефтяные» ячейки, которые должны были работать только на предмет обнаружения признаков нефтеносности. Это существенно сэкономило средства и давало возможность в случае успеха обосновать организацию специальных нефтепоисковых экспедиций⁴⁵. Таким образом, ГГРУ пыталось оставить у себя наиболее важную на начальном этапе региональную стадию поисков как базу для последующих работ. Однако вскоре нефтяное бюро ГГРУ пришлось ликвидировать.

Значение этой реформы до сих пор не оценено в историографии и, по сути, факт ликвидации нефтяного направления в центральном геологическом органе страны остается незамеченным⁴⁶. А между тем по своим последствиям это был, вероятно, самый большой промах десятилетия. «У промышленных объединений и в том числе и Союзнефти имеются и должны развиваться свои геолого-разведочные организации, перед которыми стоят очень большие и совершенно ясные задачи: в то время как органы ГГРУ ведут поиски и разведки в неизученных еще районах, геолого-разведочные организации промышленных объединений ведут эксплуатационные разведки на уже отведенных и геологически изученных площадях. Слияние этих двух видов геолого-разведочных работ может нанести непоправимый ущерб делу обеспечения нашей промышленности минерально-сырьевой базой», – писали заместитель председателя ВСНХ СССР Л. М. Рухимович и начальник ГГРУ Ф. Ф. Сыромолотов, оспаривая решение о передаче поисково-разведочных работ в «Союзнефть»⁴⁷.

Заместитель начальника ГГРУ В. П. Новиков в газете «За индустриализацию» писал: «Необходимо иметь в виду, что методы и характер работы органов ГГРУ резко отличаются от методов геолого-разведочных работ промышленных предприятий. Конкретно это отличие выражается в следующем. В то время как органы ГГРУ строят свою геолого-разведочную работу на основе строго научной геологической базы, применяя исключительно дешевое бурение мелкими диаметрами, геолого-разведочные

⁴⁵ РГАЭ. Ф. 7787. Оп. 1. Д. 129. Л. 26.

⁴⁶ М. В. Комгорт считает факт передачи НГРИ в систему «Союзнефти» свидетельством желания государства «поставить нефтепоисковые работы в стране на серьезную научную основу» [Комгорт, 2008. С. 36].

⁴⁷ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 28. Д. 188. Л. 10.

работы промышленных предприятий отличаются пренебрежением к научным методам и кустарничеством в смысле разрешения геолого-разведочных проблем, применяя при этом исключительно дорогое бурение крупным диаметром. В результате этого сплошь и рядом наблюдаются случаи непроизводительной затраты колоссальных средств. Геолого-Разведочный Нефтяной институт не сможет увязать своей работы с общей геологией Союза, что роковым образом отразится на продуктивности его работы»⁴⁸.

Предположительно стоявший за спиной этой реформы член правления «Союзнефти» академик И.М. Губкин [Евдошенко, 2012] в сентябре 1931 г., возглавив объединение «Союзгеоразведка», оказался в положении «генерала без армии»⁴⁹. Парадокс – «главный нефтяной геолог» как начальник всесоюзного геологического объединения имел возможность руководить всеми поисковыми работами на территории СССР... – кроме нефтяных. «Придется бросать <...> руководство геолого-разведочной работой по нефти», – жаловался Губкин жене, узнав о своем назначении в ГГРУ [Буксина, 2012. С. 88]⁵⁰. С 1931 по 1939 г. ГГРУ, преобразованное в объединение «Союзгеоразведка» ВСНХ СССР, затем в Главное геолого-гидро-геодезическое управление Наркомтяжпрома СССР, выстраивавшее самую разветвленную сеть региональных организаций, поисковых работ на нефть не вело и в своих планах в графе «Нефть» ставило прочерки.

Нефтяной геолого-разведочный институт с 1 апреля 1930 г. числился в структуре «Союзнефти», и 15–16 апреля 1930 г. под председательством И.М. Губкина состоялось обсуждение его плана полевых исследований и координация его с планом

⁴⁸ РГАЭ. Ф 4372. Оп. 28. Д. 188. Л. 3.

⁴⁹ Кочетков Д. В борьбе за единство геолого-разведочного дела // Вестник Геологического комитета. 1930. № 2–3. С. 9.

⁵⁰ М. В. Комгорт считает, что факт руководства И. М. Губкиным объединением «Союзгеоразведка» был важнейшим для «практической организации геологоразведочных работ на территории Западно-Сибирской низменности в 1930-е годы». Это мнение ошибочно. Связь И. М. Губкина с ГРР на нефть с момента ухода из «Союзнефти» в августе 1931 г. шла не по линии «Союзгеоразведки», которая не имела отношения к нефтепоисковым работам, а по линии Президиума ВСНХ СССР (до января 1932 г.), в котором И. М. Губкин курировал нефть, по линии ГИНИ, которым И. М. Губкин руководил до его ликвидации в 1934 г., а также по линии СОПС АН СССР, который он возглавил осенью 1930 г. Дальнейшая связь И. М. Губкина с организацией поисков нефти на территории СССР нуждается в тщательном архивном исследовании. До этого времени оценка его роли в организации ГРР в Сибири, на наш взгляд, нерепрезентативна, а подчас и ошибочна.

Управления разведочного бурения «Нефтеразведка», входящего в то же объединение. Из сибирских районов на этом заседании упоминался лишь Байкал, где было решено «поставить работу по геологической съемке на восточном побережье»⁵¹.

В Перми 22–25 июня 1930 г. под руководством И. М. Губкина прошел съезд уральских геологов. Там впервые академик ознакомился с темой «восточных склонов Урала». «Присутствовавший на конференции зам. пред. райисполкома тов. Андроньев выдвинул необходимость начать разведку на нефть на восточных склонах Урала, – сказал И. М. Губкин 8 августа 1930 г., докладывая правлению «Союзнефти» о конференции, – причем в первую очередь был выдвинут район реки Уя, где выходят Юрские отложения, которые представляют собой продолжение Юрских отложений Урало-Эмбенского района, связываются с Юрскими отложениями Челябинского района и т.д.»⁵². Речь шла о левом притоке р. Тобол с современным названием «Уй», протекающем на юго-западе Западно-Сибирской низменности. Правление «Союзнефти» 8 августа 1930 г. поддержало решение конференции – «включить в план геологоразведочных работ 1930/31 г. <...> обследование мезозойских и третичных отложений в районе р. Уя на восточном склоне Урала»⁵³.

Тем не менее 4 ноября 1930 г., за полтора года до новосибирской сессии АН СССР, вновь выступая на заседании правления «Союзнефти», И. М. Губкин отметил, что считает работы в Поволжье «более актуальными, чем продвижение наших разведок в Сибири»⁵⁴.

В тот день слушался доклад начальника треста «Уралнефть» К. А. Румянцева. Этому молодому тресту помимо работ на Урале было поручено ведение разведочного бурения во всех новых районах. Охарактеризовав работы в Урало-Поволжье, К. А. Румянцев сказал, что первым среди сибирских районов, где они начнут работу, будет район Байкала, но в целом выразил заинтересованность в расширении охвата и постановки более широких предварительных работ в Сибири⁵⁵.

⁵¹ РГАЭ. Ф. 7735. Оп. 1. Д. 295. Л. 1 об.

⁵² РГАЭ. Ф. 7735. Оп. 1. Д. 4. Л. 235.

⁵³ РГАЭ. Ф. 7735. Оп. 1. Д. 1. Л. 152.

⁵⁴ Там же. Л. 56 об.

⁵⁵ Там же. Л. 53–54 об.

Затем слово взял И. М. Губкин, известный своей критикой научного подхода сотрудников Геолкома к поисково-разведочным работам. «В Сибири мы еще имеем очень неопределенные места в отношении признаков нефтеносности, – говорил он. – <...> Мы должны послать разведочную партию на р. Уй, где выходят юрские отложения, затем послать партию в Минусинский район, о котором неоднократно писалось, затем в район Манчжурии и Амура <...> Я не возражаю ни в какой мере против тех небольших разведочных работ, которые Уралнефть намечает на Байкальском озере. Мне показалось необходимым сосредоточить максимальное внимание на разведке Приволжского района»⁵⁶.

ЦК ВКП(б), рассмотрев положение нефтяной промышленности, 15 ноября 1930 г. принял решение довести добычу к 1933 г. до 45–46 млн т, из которых 15 млн т должны были дать новые, ранее не введенные в эксплуатацию районы⁵⁷.

А 7 декабря 1930 г. «Союзнефть» в ответ на запрос научно-исследовательского сектора ВСНХ СССР о научных работах в Сибири и на Дальнем Востоке сообщала о планах работ НГРИ на 1931 г. начать геологоразведку в районе Благовещенска, Сахалина, Камчатки и Чукотского полуострова, а также топографические работы для будущих поисков нефти в районе Омска и новых районах Сахалина, Чукотки и Камчатки⁵⁸. Если в плане, составленном Геолкомом в 1929 г., предполагалось начать глубокое бурение на Байкале в 1932 г. только после проведения предварительных работ⁵⁹, то к осени 1930 г. было решено перенести этот срок на 1931 г. и до конца 1933 г. пробурить там 4800 м⁶⁰.

Совещание НГРИ 14 декабря 1930 г. с участием И. М. Губкина и М. М. Тетяева по проблемам нефтегазоносности Байкала приняло решение о продолжении начатых ранее поисковых работ и постановке разведочного бурения⁶¹. Однако через несколько дней И. М. Губкин, который при распределении геологов для восточных районов, сам вписал напротив графы «Байкал» имя Г. Е. Рябухина, в конце концов, передумал и вычеркнул его,

⁵⁶ РГАЭ. Ф. 7735. Оп. 1. Д. 1. Л. 56 об.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 804. Л. 18. [Эл. ресурс]. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government//cards/77384> (дата обращения: 10.06.2022).

⁵⁸ РГАЭ. Ф. 7735. Оп. 1. Д. 291. Л. 20.

⁵⁹ РГАЭ. Ф. 7787. Оп. 1. Д. 98. Л. 17.

⁶⁰ РГАЭ. Ф. 7787. Оп. 1. Д. 307. Л. 89.

⁶¹ РГАЭ. Ф. 7735. Оп. 1. Д. 291. Л. 1.

написав – «не знаю никого»⁶². Начавшееся в 1931 г. бурение без должного научного сопровождения оказалось малоинформативным и позже (в 1935 г.) подверглось резкой критике самого Губкина. В целом же, до определенного момента академик не столько направлял поиски нефти в Сибирь, сколько соглашался с ними, играя довольно пассивную роль, если брать позднейшие оценки его вклада в организацию геологоразведочных работ на нефть в Сибири. Кроме того, он вполне четко обозначил свой приоритет – Поволжье – и, конечно, это не могло не сказаться на распределении ограниченных ресурсов тем или иным регионам.

С предложением начать планомерное изучение Западной Сибири геофизическими методами 30 декабря 1930 г. выступил профессор П. И. Преображенский, открывший нефть в Пермском крае. Председателю Урало-Кузнецкой комиссии Госплана СССР он подготовил специальную записку, в которой сообщал, что все известные в регионе полезные ископаемые были обнаружены на периферии Западно-Сибирской низменности, покрытой в центре мощным слоем осадочных «третичных и после-третичных отложений» и задавался вопросом – «не заходят ли Урало-Эмбинские нефтеносные отложения через Тургайский пролив, разделяющий Южный Урал от северных частей Киргизской горной страны, на север в верховья Тобола». «Расходы по разрешению этих задач методом глубокого бурения настолько велики, что у самых горячих защитников необходимости производства этих исследований невольно закрадывалось сомнение в их исполнимости», – писал Преображенский. Выход ему виделся в применении новых технологий – широкой постановке различных видов геофизических исследований Западно-Сибирской низменности. Работы предлагалось вести силами объединений «Востоксталь», «Востокуголь», «Союзнефть» и др. под руководством ГГРУ. В случае согласия Госплана СССР профессор брался разработать более детальную программу⁶³.

В 1931 г. стала понятной ошибочность проведенного реформирования и недооценки центральной геологоразведочной организации, что особенно сказывалось на проведении работ в отдаленных районах Сибири. Намеченное бурение на Байкале

⁶² Там же. Л. 15–15 об. В 1931 г. Г. Е. Рябухин все-таки выехал на Байкал, но, видимо, вопреки воле Губкина.

⁶³ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 28. Д. 222. Л. 386–387.

тормозилось из-за отсутствия материально-технической базы, квалифицированной рабочей силы и других трудностей. В течение года вместо 350 м было пробурено всего 70 м (20% плана)⁶⁴. Наблюдавший за историей Байкальской нефтеразведки управляющий Восточно-Сибирским геолого-разведочным трестом (быв. РГРУ) В.В. Елистратов на совещании в Госплане СССР был вынужден констатировать: «Я эту работу особенно хорошо не знаю, потому что никакого участия в ней не принимал, но могу сообщить о классических издевательствах, прямо, Уралнефти: в течение полутора лет туда то станок забросят, то трубы, а ничего целого нет. Целый год там жил иностранный специалист по бурению со льда и никакого бурения поставлено не было. До настоящего времени вопрос упирается в глубокое бурение, и до сих пор этого не поставлено. Если бы вы обратили на все это внимание, это побудило бы Уралнефть начать бурение»⁶⁵.

В «Докладной записке о положении разведывательного дела Союзнефти», составленной в 1931 г., давалась нелестная оценка реформе. «При передаче "Уралнефти" разведок Волги, Сибири, Кубани, Керчи, Дагестана мыслилось подготовить создание единого треста, ведущего разведки по всему Союзу, сконцентрировав в нем все оборудование, тех. силы с возможно более лучшим маневрированием материальными средствами в пределах Союза.

Такая форма организации имеет свои преимущества в смысле концентрации сил и средств, при одном неперменном условии – создание крепких районных баз материального снабжения, механических мастерских и квалифицированного технического руководства.

Действительное же положение на сегодняшний день таково, что Союзнефть провела формально схему управления, не обеспечила разведки материально, положение со снабжением оборудованием ничем не изменилось, если не ухудшилось, вследствие чего проведенная Союзнефтью реорганизация не достигла своей цели и требует немедленной перестройки». Неизвестный автор записки сетовал, что недавно созданный маломощный трест «Уралнефть», ориентированный прежде всего на освоение Верхне-Чусовского месторождения и изучения его периферии,

⁶⁴ РГАЭ. Ф. 3139. Оп. 1. Д. 383. Л. 267.

⁶⁵ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 29. Д. 696. Л. 24 об.

«работает сам по себе, геологические разведки – сами по себе», связей с байкальской разведкой попросту нет, а вместо концентрации получилось распыление средств. Поэтому он предлагал трест «Уралнефть» разукрупнить на Северный и Южный тресты, Северный перебазировать в Новосибирск и передать ему работы на Урале, Ухте и в Поволжье⁶⁶.

Однако 22 апреля 1931 г. объединенный Президиум Центральной контрольной комиссии ЦК ВКП(б) и Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР, давая негативную оценку положению в геологоразведочной отрасли, не стал отыгрывать назад (возвращать НГРИ под руководство центрального геологоразведочного органа, как это было с другими отраслями – угольной, рудной, стройматериалов), а наоборот – принял решение соединить этот ленинградский институт с московским ГИНИ, которым руководил акад. И. М. Губкин⁶⁷.

Ситуация с разведками в новых районах обеспокоила Топливо-энергетический сектор ВСНХ СССР. Его начальник В. Г. Иванов-Кавказский 30 июля 1931 г. провел специальное совещание, посвященное этому вопросу, где докладывал заместитель начальника «Уралнефти» Р. З. Бучацкий. Его мысли были близки тем, что были изложены в вышеприведенной докладной записке. «Трест Уралнефть построен нескладно, работать на такой большой территории нельзя», – говорил Бучацкий. ГТРУ имело собственный региональный аппарат в лице районных геологоразведочных управлений, с конторами, складами, механическими мастерскими, жильем для сотрудников и простейшими лабораториями. Трест «Уралнефть» ничего этого в дальних регионах не имел. «Нужно Советский Союз разделить на целый ряд частей и создать целый ряд организаций. Сейчас разведки идут вокруг нефтяных трестов. Разведочная работа, это темное пятно, а между тем и Сибирь, и Урал, и Байкал представляют интерес в области поисков нефти. К этой работе нужно немедленно приступить», – призывал докладчик к очередному витку реформ, который закончился лишь переименованием «Уралнефти» в «Востокнефть»⁶⁸.

⁶⁶ РГАЭ. Ф. 7735. Оп. 1. Д. 294. Л. 154–156.

⁶⁷ ЦКК – НК РКИ о перестройке геолого-разведочной службы // Вестник Геологического комитета. 1931. № 3–4. С. 8.

⁶⁸ РГАЭ. Ф. 7735. Оп. 1. Д. 294. Л. 34–34 об.

Просуществовавшее чуть более года объединение «Союз-нефть» было ликвидировано, а все дело управления отраслью перешло во вновь организованный Нефтяной сектор Главного управления по топливу НКТП СССР. В сентябре 1931 г. сотрудник геологического отдела Нефтяного сектора В. А. Сельский в подготовленном для Госплана СССР обзоре «Нефтяные ресурсы Союза в связи с новой пятилеткой» писал: «Мы видим, что нефтепроявления в Союзе распространены от Крайнего Севера – Печорского края до Ленкорани и от Волги до Сахалина. Правда, здесь выпадает почти вся необъятная Сибирь, относительно которой в смысле нефтеносности наши знания приближаются к нулю, ибо она с этой стороны совершенно не изучена и сейчас мы разведываем только одно месторождение нефти около Байкальского озера. Распространение нефтепроявлений на громадных пространствах свидетельствует о благоприятных условиях нефтеобразования, а то разнообразие тектонических форм, которое встречается во всех этих местах, гарантирует нахождение таких месторождений, где и нефтеобразования и нефтескопления будут благоприятными и где, значит, добыча должна быть богатой»⁶⁹.

В конце 1931 г. – начале 1932 г. сектор использования природных ресурсов Госплана СССР готовил планы ГРР на вторую пятилетку и делал соответствующие запросы. «Для плано-перспективных работ Сектора Недр необходимо иметь материалы Геологического Совещания 4 – 10 января с.г., созванного Институтом и Востокнефтью <...> – писали плановики в НГРИ 14 января 1932 г. - Вместе с указанным просьба прислать стенограмму доклада проф. Шацкого [Шатского] Н.С. о перспективах разведки в Сибири». Из НГРИ прислали доклад Н.С. Шатского на тему «Проблема нефтеносности Сибири», сделанный на конференции по Уралу и Сибири 8 января 1932 г. Это был исходный материал для его известной статьи, опубликованной в журнале «Нефтяное хозяйство» в сентябре 1932 г. под тем же названием.

«Нефтяная проблема в Сибири нуждается в очень подробном обсуждении и, естественно поэтому, что и краевые организации Западной и Восточной Сибири, и геолого-разведочные учреждения Союза уделяют много внимания вопросу

⁶⁹ РГАЭ. Ф. 4732. Оп. 30. Д. 933. Л. 3.

об обеспечении жидким топливом Сибири, хотя бы в некоторой неполной доле», – такими словами предварял Н.С. Шатский свой доклад. При этом он констатировал, что поиски нефти в Сибири уже начались. «В более или менее общем масштабе этот вопрос был поставлен только нашим Институтом, когда в прошлом году он отправил первые поисковые партии в Сибирь. Эти поисковые партии не дали пока положительных результатов, что, однако, не позволяет оставить поиски в дальнейшем, наоборот, надо сделать их более систематичными и в выборе районов необходимо основываться не только на тех незначительных сведениях о нефтеносности Сибири, которые мы имеем в архивных материалах и в литературе, а также и на общем геологическом строении этого края, его тектонике и литологии слагающих его пород». Планомерное изучение Сибири Н.С. Шатский предлагал начать с Минусинской котловины, Сибирской платформы и берегов Байкала⁷⁰.

Примерно в это же время был опубликован обзор нефтяных ресурсов СССР, сделанный И.М. Губкиным. В нем «сибирские инициативы» академика касались лишь организации геофизических исследований на восточных склонах Урала, о Байкале и других регионах Сибири он не упоминал⁷¹.

В одном из проектов реформирования 1932 г. среди предполагаемых к образованию объединений в рамках будущего Главного управления нефтяной промышленности значились не только традиционные – Азербайджанское или Грозненское, но и Дальневосточное и Урало-Сибирское⁷². Сторонников у последних двух не нашлось, и ситуация с поисками нефти в Сибири в начале 1930-х годов оставалась в том же подвешенном состоянии: имевшее региональные ячейки объединение «Союзгеоразведка» не имело права вести поиски нефти, а уполномоченный на это Нефтяной сектор Главтопа НКТП СССР – не имел достаточных ресурсов для организации поисковой работы в Сибири. Развитие поисково-разведочных работ на нефть в этом регионе упиралось не в противостояние группировок геологов, а в возникший в результате непродуманных реформ хозяйственно-административный клинч, разрешению которого помимо разных причин

⁷⁰ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 30. Д. 935в. Л. 214, 157, 159, 167 – 168.

⁷¹ Губкин И. М. Нефтяные ресурсы СССР // Нефтяное хозяйство. 1932. № 1. С. 8.

⁷² РГАЭ. Ф. 3139. Оп. 1. Д. 365. Л. 130.

мешало и желание снять остроту нефтяной проблемы Сибири различными альтернативными видами топлива, в частности – производством нефтепродуктов из местных углей.

(продолжение следует)

Литература

Буксина О. «Мой жизненный закат прекрасен». Письма академика И. М. Губкина к Варваре Боярской. Тюмень: ООО «Сити-пресс», 2012. 192 с.

Буцуев В. Г. Сибирские предприниматели на подступах к нефтяным богатствам Сибири // Во славу российской нефти: Материалы научно-исторической конференции «Роль частного предпринимательства в развитии нефтяной промышленности во второй половине XIX в., 28 февраля 2006 г. М.: ЗАО «Мосиздатинвест», 2006. С. 92–97.

Галкин А. И. Академик Иван Михайлович Губкин: мифы и действительность (1871–1939). Ухта: УПОО «Мемориал», 2009. 256 с.

Демьяненко А. Н. Краткий очерк жизни и творчества Н. Н. Колосовского // Пространственная экономика. 2009. № 1. С. 129–133.

Евдошенко Ю. В. «Надо искать нефть по обоим склонам Среднего Урала». О борьбе И. Н. Стрижова за организацию поисков нефти в Урало-Поволжье в 1926–1929 гг. // Нефтяное хозяйство. 2022. №. 2. С. 124–128. DOI: 10.24887/0028–2448–2022–2–124–128

Евдошенко Ю. В. Ликвидация Геолкома. К 130-летию первого геологического учреждения России // Горные ведомости. 2012. № 10. С. 69–70.

Евдошенко Ю. В. О раннем периоде газификации Урала и Сибири (к вопросу о формировании энергетической стратегии СССР в 1930-е годы) // Проблемы модернизации сибирского Севера: сб. научных трудов / Отв. ред. В. П. Карпов. Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. С. 101–105.

Евдошенко Ю. В. Сынцзянская альтернатива тюменской нефти, или о советской «парадигме геологоразведки» в конце 1920-х – 1930-е годы // Тюменская область: историческая ретроспектива, реалии настоящего, контуры будущего: сб. статей Международной научной конференции (Тюмень – Тобольск, 20–21 сентября 2019 г.) / Отв. ред. Л. Л. Мехришвили. Тюмень: ТИУ, 2019. С. 71–72.

Запорожченко А. А. История организации геологической науки и службы в Западной Сибири (в 1917–1932 гг.). Новосибирск: Сибирское отделение изд-ва «Наука», 1977. 143 с.

Карпов В. П., Колева Г. Ю., Гаврилова Н. Ю., Комгорт М. В. Западно-Сибирский проект: от замысла к реализации. Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. 392 с.

Комгорт М. В. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция: история открытия. Тюмень: «Вектор Бук», 2008. 190 с.

Комгорт М. В. К вопросу о приоритете в обосновании перспектив нефтеносности Сибири // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. II. С. 109–111 [Эл. ресурс]. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2014/5–2/29.html> (дата обращения: 23.04.2022).

Комгорт М. В. Открытие Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции (1920–1960-е гг.). Дисс. на соиск. уч. степ. д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2020. 408 с.

Лисицына Е. Н., Бердникова Л. И. Первые сведения о нефти и газе на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 2. С. 5–11.

Статья поступила 19.08.2022

Статья принята к публикации 25.08.2022

Для цитирования: *Евдосенко Ю. В.* Рождение нефтяной Сибири. Нефте-разведка против углеперегонки на рубеже 1920–1930-х годов (часть 1) // ЭКО. 2023. № 1. С. 150–176. DOI: 10.30680/ЕКО0131-7652-2023-1-150-176

Summary

Evdoshenko, Yu.V., Cand. Sci. (History). E-mail: editor3@oil-industry.ru
The Oil Industry magazine (Publishing House “Neftyanoe khozyaistvo”),
Moscow

The Birth of Oil Siberia. Oil Exploration vs. Coal Refining at the Turn of 1920s-1930s (Part 1)

Abstract. On the basis of a new methodological approach the author proposes to look at the initial period of the organization of oil prospecting in Siberia. His concept is based on the rejection of the sub-regional approach, underlying the majority of works on the subject; connection of oil prospecting with the fulfillment of a specific task – oil product supply of Siberian regions – and alternative ways of its solution at the expense of local natural or artificial oil products produced from solid combustible fossils. The first, published part of the paper covers the history of oil prospecting in Siberia until the Novosibirsk session of the USSR Academy of Sciences in 1932, describes previously unknown estimates and forecasts of oil bearing capacity of Siberian regions, and for the first time defines the impact of reforms in the geological industry of the USSR in the late 1920s – 1930s on the history of oil prospecting in Siberia.

Keywords: *first five-year period; Siberian oil; geological exploration; oil prospecting; alternative energy; artificial liquid fuel; I.N. Strizhov; I.M. Gubkin; A.D. Arkhangelsky; M.M. Tetyaev; P.I. Preobrazhensky; A.M. Usov; N.S. Shatsky*

References

Buksina, O. (2012). “My life sunset is beautiful”. *Letters of Academician I.M. Gubkin to Varvara Boyarskaya*. Tyumen’. Siti-press Publ. 192 p. (In Russ.).

Bushuev, V.G. (2006). Siberian entrepreneurs on the approaches to the oil wealth of Siberia. “For the glory of Russian oil”: Proceedings of the scientific and historical conference «The role of private entrepreneurship in the development of the oil industry development in the second half of the XIX century», February 28. Moscow. Mosizdatinvest Publ. Pp. 92–97. (In Russ.).

Dem’yanenko, A.N. (2009). A brief sketch of the life and work of N.N. Kolosovsky. In: *Prostranstvennaya ekonomika*. Spatial Economics. No. 1. Pp. 129–133. (In Russ.).

Evdoshenko, Yu.V. (2011). On the early period of gasification of the Urals and Siberia (on the formation of the USSR energy strategy in the 1930s). Problems of

modernization of the Siberian Northern Territory: a collection of scientific papers / ed. V.P. Karpov. Tyumen: TSOGU. Pp. 101–105. (In Russ.).

Evdoshenko, Yu.V. (2012). Liquidation of the Geological Committee. To the 130th anniversary of the first geological institution of Russia. *Gornye ведомosti*. Mining statements. No. 10. Pp. 69–70. (In Russ.).

Evdoshenko, Yu.V. (2019). *Xinjiang alternative to Tyumen oil, or about the «paradigm of geological exploration» in the Soviet Union in the late 1920s – 1930s*. Tyumen Region: historical retrospective, realities of the present, contours of the future: the international scientific conference collection of articles (Tyumen – Tobolsk, September 20–21, 2019) / ed. by L.L. Mehrishvili. Tyumen. TIU Publ. Pp. 70–83. (In Russ.).

Evdoshenko, Yu.V. (2022). “We need to look for oil on both slopes of the Middle Urals”. About I.N. Strizhov’s struggle for the organization of oil prospecting in the Ural-Volga region in 1926–1929. *Neftyanoe khozyaistvo*. No. 2. Pp. 124–128. (In Russ.). DOI: 10.24887/0028–2448–2022–2–124–128

Galkin, A.I. (2009). *Academician Ivan Mikhailovich Gubkin: Myths and Reality (1871–1939)*. Ukhta. Memorial Publ. 256 p. (In Russ.).

Karpov, V.P., Koleva, G. Yu., Gavrilova, N. Yu., Komgort, M.V. (2011). *The West Siberian project: from conception to implementation*. Tyumen. TSOGU. 392 p. (In Russ.).

Komgort, M.V. (2008). *West Siberian oil and gas province: the history of discovery*. Tyumen. Vector Book Publ. 190 p. (In Russ.).

Komgort, M.V. (2014). On the issue of priority in substantiating the prospects of oil-bearing capacity of Siberia. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*. Tambov. Diploma Publ. No. 5 (43): in 3 hours. II. Pp. 109–111. (In Russ.). Available at: <http://www.gramota.net/materials/3/2014/5–2/29.html> (accessed 23.04.2022).

Komgort, M.V. (2020). *Discovery of the West Siberian oil and gas province (1920–1960s)*. Dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences. Yekaterinburg, 408 p. (In Russ.).

Lisitsyna, E.N., Berdnikova, L.I. (2014). The first information about oil and gas in Eastern Siberia and the Far East. *Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East*. No. 2. Pp. 5–11. (In Russ.).

Zaporozhchenko, A.A. (1977). *The history of the organization of geological science and service organization in Western Siberia (in 1917–1932)*. Novosibirsk. Siberian branch of the publishing house “Science”, 143 p. (In Russ.).

For citation: Evdoshenko, Yu.V. (2023). The Birth of Oil Siberia. Oil Exploration vs. Coal Refining at the Turn of 1920s–1930s (Part 1). *ECO*. No. 1. Pp. 150–176. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-1-150-176